

DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-1-35-42

УДК 821.16.1

«Чудесный реализм» в прозе Зайцева, Шмелева, Бунина (в контексте магического реализма, фантастического реализма, мистического реализма, духовного реализма и т.д.)

В.А. Гавриков

Брянский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 241050, Брянск, ул. Горького, 18

Существует множество терминов, обозначающих вторжение необъяснимого в реалистическое повествование, среди которых: магический реализм, фантастический реализм, мистический реализм, духовный реализм, трансцендентальный реализм, метафизический реализм, христианский реализм и т.д. В статье предлагается термин «чудесный реализм» для обозначения реалистических произведений, содержащих чудесные (связанные с категорией чуда) событийные вкрапления. Такие чудеса приводят к очевидным нарушениям законов природы, не поддаются интерпретации с позиции материализма и не вписываются в научную картину мира. «Чудесный реализм» в прозе Бунина, автобиографических произведениях Зайцева и Шмелева рассматривается в сопоставлении с «материалистическим» методом Чехова.

Ключевые слова: чудо, пророчества, чудесный реализм, магический реализм, мистический реализм, духовный реализм, Борис Зайцев, Иван Шмелев, Иван Бунин, Антон Чехов, автобиографическая проза

Реалистическая проза может быть насыщена различными апелляциями к мистическому, трансцендентальному, необъяснимому. Модус таких высказываний бывает самым разным: от авторского «неверия» до выражения реально существующих — в авторской модальности — инобытийных сущностей, явлений, процессов. Для обозначения такой мистической «подложки» могут использоваться различные термины, которые всегда кажутся оксюморонами (хотя в некоторых случаях таковыми не являются). Наверное, наиболее известный среди них — «магический реализм». При этом если вчитаться во многие произведения, написанные этим методом, можно убедиться, что понятие «реализм» используется по отношению к ним скорее условно.

Существует два подхода к употреблению данного термина. Некоторые ученые применяют его исключительно при исследовании латиноамериканской прозы, некоторые считают феномен «магического реализма» более широким — наднациональным явлением. Одной из важных особенностей «магическо-реалистических» произведений является возможность чуда, его буквальная реальность, что отличает рассматриваемое понятие от некоторых других ему подобных. Вместе с

тем — по крайней мере на русской почве — не вполне адекватным видится термин «магический», так как магия — это, по сути, колдовство, волхование, но «магический реализм» далеко не всегда соприкасается с этими категориями.

Термин «мистический реализм» использует Н.А. Бердяев в статье «Декадентство и мистический реализм». Он говорит о том, что живой, подлинный мистицизм нужно отделять от художественных «туманностей», за которыми не стоит высшей потусторонней реальности: «Страшно становится, когда перестаешь реально различать мистические слова от мистической действительности, литературу от бытия, рафинированных позитивистов от подлинных мистиков, когда все покрывается дымкой, когда туманность тонкого позитивизма начинает походить на мистику» [1. С. 16]. Поэтому мистическое оказывается у мыслителя не фантазийным и умозрительным, а в высшей степени реальным: «Опасность академического, литературного отношения к мистике — в полном отсутствии реализма» [1. С. 16]. То есть, по Бердяеву, слова «мистика» и «реализм» — синонимы, а «вымысел» и «мистика» — антонимы.

Современные исследователи, работающие с классической русской прозой, также пользуются бердяевским термином. А.В. Злочевская указывает: «Внутренняя логика мистического реализма предполагает особенного героя — личность, живущую не в реальности “жизни действительной”, а на грани “двоемирия”, на пороге инобытия и субъективно устремленную в “потусторонность”» [2]. В рассуждениях А.В. Злочевской важен ракурс, который она использует при трактовке интересного нам термина. Речь идет о «ментальной мистичности», то есть потустороннее постигается умозрительно, оно не вторгается в реальность. Таким образом, в центре «мистического реализма», по А.В. Злочевской, сознание творческой личности, способной узреть в посюстороннем — потустороннее: «В конце 20-х — 30-е гг. XX в. мистический реализм обрел новые черты: интерес к иррациональному подтексту “жизни действительной” утрачивает приоритет. Сам творческий акт, сочинительство, понимаемое как сотворение новой реальности, подчиняет себе трансцендентные прозрения автора. Модель “двоемирия” оказалась оптимальной для решения сверхзадачи нового искусства — воссоздания бытия творящего сознания автора, устремленного к проникновению в сокровенный мистический смысл бытия» [2]. Самыми яркими представителями мистического реализма XX века исследовательница называет Германа Гессе, Владимира Набокова и Михаила Булгакова.

Отдельного внимания заслуживает термин «духовный реализм», который был тщательно отрефлектирован А.М. Любоумровым. Он пишет: «Духовный реализм — художественное восприятие и отображение реального присутствия Творца в мире» [3. С. 6]. Таким образом, в центре «духовного реализма» находится писательское сознание, авторское восприятие происходящего в мире, мировоззренческая модальность. Ученый отмечает: «Представляется плодотворным и оправданным дальнейшее активное введение в научный оборот дефиниции “духовный реализм”, наиболее точно характеризующей суть описываемого явления культуры — художественного освоения духовной реальности, т. е. реальности духовного уровня мироздания и духовной сферы бытия человека» [3. С. 38]. Главное здесь — художественное постижение и отражение высшей реальности, находя-

щейся за гранью этого мира. Задача автора (повествователя) — стать медиатором, способным «конвертировать» потусторонние смыслы знаками, доступными «дольному» воспринимающему сознанию.

Есть другие термины, так или иначе связанные с интересной нам проблематикой: «фантастический реализм» (так часто называют «нереалистический» метод Достоевского), «трансцендентальный реализм», «метафизический реализм», «христианский реализм», «идеал-реализм» и т.д.

Итак, даже не погружаясь глубоко в теоретические исследования различных «потусторонних» реализмов, можно сделать вывод о том, что ученые далеко не всегда сходятся во мнении — что же понимать под определением «мистический», «магический» и т.д. (то есть «нереалистический»). На наш взгляд, существует три группы значений, которые наиболее часто подразумеваются при использовании рассмотренных выше терминов. Во-первых, «нереалистическим» может быть назван особый внутренний мир героя. Такой субъект умеет видеть в реальном — нечто сверхреальное, иногда будучи убежденным в потусторонней действительности этого сверхреального, иногда художественно создавая инобытийное пространство.

Во-вторых, «нереалистическое» может иметь не только умозрительное приращение, но и сообщаться с реальностью посредством намеков, тайных знаков, пророчеств. Говоря иначе, такие сверхреальные знаки — в зависимости от модальности воспринимающего их сознания — могут казаться посланиями из сверхреальности, а могут — лишь удивительными совпадениями или пока не объясненными наукой феноменами.

В-третьих, случаи, когда в реалистическое повествование вторгается «прямое чудо» — происходит нечто невозможное (исходя из научной картины мира). Что это за чудеса? Это необъяснимые исцеления, чудесные спасения, мгновенные перемещения в пространстве или во времени и т.д.

Если рассмотреть эти три типа с позиции условного скептика, то первая сверхреальность не вызывает у него никакого доверия, так как верифицируется лишь «в пределах» идеалистического сознания. То есть является «бредом ума» и безоговорочно отвергается. Вторая сверхреальность имеет некоторую «доказательную базу», но все равно отвергается как маловероятная, ведь здесь речь идет не о верификации, а об интерпретации. Третья сверхреальность — чудо — нарушение привычного хода вещей. Здесь уже скептический ум «сдается»: он может принять реальность такого факта (ибо наличие такого факта неоспоримо), хотя и с определенными оговорками. Например, скептик может предположить, что перед нами — не чудо, а пока не познанная наукой закономерность.

Несложно заметить, что «самым нереальным», бросающим вызов материалистическому детерминизму является третий случай. В нем, условно говоря, «мистицизм» явлен в своих наиболее радикальных проявлениях. Понятно, что писатели-реалисты будут обходить стороной подобные факты, чтобы оставаться в рамках классических дефиниций реализма. Нужно иметь смелость, чтобы не в намеках, не в подтекстах, а прямо и воочию внедрить в реалистическую книгу такой «инородный» материал. В этой связи, например, роман «Сто лет одиночества» есть редкое реалистическое (или «реалистическое»?) произведение, содер-

жащее чудеса. Правда, притчево-мифологическое повествование Гарсия Маркеса не слишком противится таким трансцендентальным интерполяциям. Главное из чудес — вознесение на небо Ремедиос — все-таки встроено в общий «идеологический контекст», авторскую модальность, которая, на наш взгляд, все же противится определению «реалистическая».

Совсем другое дело — автобиографическая (!) проза Бориса Зайцева. В тетралогии «Путешествие Глеба» также есть несколько эпизодов, которые прочитываются как чудесные, то есть напрямую связанные с категорией чуда. Однако модальность зайцевского высказывания иная, чем у Гарсия Маркеса: перед нами изложение жизненных фактов, пусть и несколько переработанное в художественном ключе. Таким образом, Гарсия Маркес «играет» в реальность, у него нет автобиографической достоверности; хотя, конечно, сама видимая достоверность для него важна и произведение имеет элементы «исторической летописи». Тем не менее перед нами скорее неомиф.

Рассмотрим же на примерах чудесные события в тетралогии «Путешествие Глеба». Нам удалось отыскать три таковых. Первое связано с чудесным спасением Глеба от тяжелой болезни, выглядевшей как неизлечимая. Характеризуя состояние Глеба, автор отмечает: «казалось, все было потеряно». Один лишь человек продолжал верить в чудо — Элли. И чудо произошло: «в смертный час» (именно так об этом моменте говорит Зайцев) она кладет Глебу на грудь икону Николая Чудотворца и к утру больной возвращается к жизни.

Второе чудо также явлено Николаем Мирликийским — это было чудесное спасение Сони («Собачки»). Она заблудилась в непроглядном выюжном пространстве, лошадь сбилась с наезженной дороги, гибель была неизбежна... Соня начинает молиться. И вдруг появляется старичок в розвальнях, который молча указывает путь к спасению: сопровождает Соню до одной из ближайших деревень. Чудесный старичок проехал через деревню и исчез. Когда Соня попыталась выяснить, обратил ли внимание кто-то из местных жителей на этого странного человека в розвальнях, оказалось, что видим он был только для спасенных. Впоследствии Соня в беседе с Ксаной прямо сказала, что это был Николай Чудотворец.

Третий случай произошел перед смертью Воленьки — друга Глеба и Элли. Последняя у двери Воленькиной квартиры увидела большой гроб. Он был приставлен к стене, рядом находилась крышка с глазетовыми кистями. Элли подумала, что Воленька умер, но обнаружив, что он, хотя и ослаб, но все же жив, тут же выбежала из квартиры на лестницу — гроба не было. Через некоторое время болезнь взяла свое: Воленька умер, и придя на прощание с ним, Элли увидела в точности такой же — до мелочей — гроб, который был явлен ей в странном видении. Глеб объяснил ей, что она «вышла из времени», то есть переместилась в будущее: правда, из контекста не вполне понятно — речь идет о физическом или ментальном путешествии.

Подчеркнем, что здесь речь идет не о втором, описанном нами ранее типе, а о третьем, так как, во-первых, еще до смерти Воленьки и изготовления гроба Элли озвучила свое видение, причем в подробностях (то есть речи не идет о ложной памяти). Во-вторых, перед нами не аллегорическое предсказание, подобное, до-

пустим, видению библейского фараона (семь тощих и семь тучных коров), которое еще требует расшифровки. Ведь где интерпретация — там возможны сомнения в истинности пророчества. В данном же случае никакой аллегории нет — смысл видения однозначен.

Вторжение чудесного в реалистическое повествование у Зайцева было уже замечено А.М. Любомудровым, правда, он упоминает об одном эпизоде: «Зайцев часто говорил о Промысле, но не рисковал прямо вводить его в художественные тексты, не изображал непосредственных чудотворений, помощь святого или явное вмешательство в судьбу высших сил (упоминание об исцелении от иконы есть только в тетралогии “Путешествие Глеба”» [3. С. 233].

Таким образом, перед нами редкий случай, когда в реалистической автобиографической прозе появляются явно мистические эпизоды, которые не просто намекают на существование трансцендентального инобытия, а показывают его властное вторжение в действительность. То есть речь идет о категории чуда.

Иван Шмелев также был верующим, православным человеком, поэтому модальность его повествования, в том числе и автобиографического, во многом схожа с позицией Зайцева. Однако, если мы возьмем «Лето Господне», то убедимся, что Шмелев здесь не идет дальше обозначенного нами второго типа — мистических предзнаменований. Хотя и их можно назвать «чудесными», так как они поразительным образом сбываются.

Так, юродивая Палагея Ивановна одной из девушек, Маше, напрогочила свадьбу: «Что, малинка... готова перинка?», а отцу главного героя — скорую смерть: «Кому пост, а кому погост!» Да и о своей смерти Палагея Ивановна высказалась, в общем-то, недвусмысленно: «На паре-то на масленой катают». Как поясняет автор, именно во время масленицы и именно на паре повезли юродивую на кладбище. Предсказала она и грядущую болезнь хозяина: «Надо, надо ледку... горячая голова... остынет». Именно льдом обкладывали голову Ваниного отца после несчастного случая. Автор несколько раз возвращается к этим пророчествам, то есть мистические предвестия грядущих бед — важная сюжетная «скрепа» в романе.

Еще одно мрачное предзнаменование: зацветшее комнатное растение под названием «арма», которое в семье все называли «страшный змеиный цвет». Как отмечается в романе, цветет это растение очень редко, лет через двадцать-тридцать. Когда вдруг расцветает «арма», все в доме со страхом ожидают грядущего несчастья, и оно не заставляет себя ждать: разбивается отец главного героя, глава семьи от травмы так и не оправится...

Если тексты Зайцева и Шмелева буквально насыщены прямыми и скрытыми следами, скажем так, православного мировоззрения, то у Бунина все не настолько однозначно. Однако и у него можно отыскать элементы «чудесного реализма». Например, в рассказе «Чаша жизни», который «прочитывается» однозначно как реалистическое, а не, например, неомифологическое или притчевое повествование, есть интересный эпизод. Юродивый Яша, повстречав Александру Васильевну, супругу одного из главных персонажей, предсказывает ей скорую смерть, но делает это иносказательно. Во-первых, он восклицает: «Радуйся, Афродита Розоперстая!» Это выражение, вероятно, связано с библейской историей, а кон-

кретно — с крестными муками Христа: когда перед распятием над ним глумились солдаты, они становились перед ним на колени и говорили: «Радуйся, Царь Иудейский!» Таким образом, императив «радуйся» является своеобразным смысловым «перевертышем»: пророчество явно нерадостное.

Кроме того, юродивый сунул ей в руку «четыре щепочки, связанные лычком». Этот образ прочитывается как символ гроба: четыре объединенных щепочки — четыре гробовых доски. Через месяц пророчество сбылось: Александру Васильевну «задавили, замяли в толпе».

О третьем типе событий, связанных с мистическими переживаниями героев прозы Зайцева, Шмелева, Бунина и других писателей, мы говорить не будем, так как такое повествование впрямую не связано с категорией чуда, а значит, не может быть отнесено к «чудесному реализму», хотя, в прозе Зайцева и Шмелева множество подобных ментальных мистических прозрений (связанных, например, с осознанием красоты творения и всемогущества Творца).

Любопытно сравнить рассмотренные проявления «чудесного реализма» с творчеством классиков, работавших на ином «идеологическом поле». Метод Чехова можно назвать материалистическим, понимая, конечно, условность таких ярлыков. И все же мистика у Чехова нарочито вытеснена из сферы авторской модальности.

Показателен в этой связи эпизод из повести «Степь». Один из героев произведения Пантелей рассказывает страшные истории о том, как разбойники убивают купцов. Он и сам оказывается участником одной из таких историй: в тот самый миг, когда убийцы уже собирались расправиться с Пантелеем и его знакомым купцом, в окошко кто-то сильно постучал и позвал Пантелеева товарища по имени-отчеству. Злодеи испугались — жизни оказались спасены. Однако обнаружить постучавшего не удалось, Пантелей сказал, что это был «угодник божий или ангел». В принципе на этом можно было и завершить высказывание — пусть читатель сам решает: правда это или вымысел.

Однако Чехов нарочито уничтожает даже призрачную тень мистицизма своим последующим комментарием, в котором указывает на то, что во всех подобных историях «одинаково чувствовался вымысел», что Пантелей услышал эти рассказы от кого-нибудь другого или «сам сочинил», что он отдавал предпочтение вымыслу и никогда не говорил о том, что было пережито им на самом деле.

Итак, в русской классической прозе есть ряд реалистических произведений с чудесными событийными вкраплениями. Такие чудеса связаны с очевидным нарушением законов природы, не поддаются интерпретации с позиции материализма и не вписываются в научную картину мира. Подобные мистические события — в авторской модальности — не вымысел, а отражение потустороннего мира, многими нитями связанного с познаваемой реальностью. Таким образом, выделенный нами «чудесный реализм» есть лишь частный случай более широкого понятия (допустим, «духовного реализма»), обозначающего мистическую авторскую модальность в реалистическом повествовании.

© Гавриков В.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- [1] Бердяевъ Н.А. Духовный кризисъ интеллигенци: статьи по общественной и религіозной психологіи (1907—1909 гг.). СПб.: Типографія товарищества «Общественная Польза», 1910. 304 с.
- [2] Злочевская А.В. Три лика «мистического реализма» XX в.: Г. Гессе — В. Набоков — М. Булгаков // Богослов.ru. URL: http://www.bogoslov.ru/text/352754.html#_ftn6
- [3] Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 02 декабря 2018

Дата принятия к печати: 12 декабря 2018

Для цитирования:

Гавриков В.А. «Чудесный реализм» в прозе Зайцева, Шмелева, Бунина (в контексте магического реализма, фантастического реализма, мистического реализма, духовного реализма и т.д.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 1. С. 35–42. DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-1-35-42

Сведения об авторе:

Гавриков Виталий Александрович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, управления персоналом, Брянский филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Контактная информация: e-mail: yarosvettt@mail.ru

“Miraculous realism” in Zaitsev’s, Shmelev’s, Bunin’s prose (in context of magical realism, fantastic realism, mystical realism, spiritual realism, etc.)

V.A. Gavrikov

Bryansk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration under the President of the Russian Federation
18 Gorky St., Bryansk, 241050, Russian Federation

There are many terms that denote the invasion of the inexplicable into a realistic narrative, such as: magical realism, fantastic realism, mystical realism, spiritual realism, transcendental realism, metaphysical realism, Christian realism, etc.

The author suggests the term “miraculous realism” to describe the realistic works in which there are miraculous (means associated with the category of something unbelievable) event inserts are present.

Such miracles lead to obvious violations of the laws of nature and do not fit into the “scientific picture of the world”.

“Miraculous realism” in Bunin’s prose, in Zaitsev’s and Shmelev’s autobiographical works, considered in comparison to Chekhov’s materialistic method.

Keywords: miracle, prophecy, miraculous realism, magical realism, mystical realism, spiritual realism, Boris Zaitsev, Ivan Shmelev, Ivan Bunin, Anton Chekhov, autobiographical prose

References

- [1] Berdyaev N.A. Duhovnyj krizis intelligencii: stat'i po obshchestvennoj i religioznoj psihologii (1907–1909 gg.) [Spiritual crisis of the intelligentsia: articles on social and religious psychology (1907–1909)]. SPb.: Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya Pol'za”, 1910. 304 s.
- [2] Zlochevskaya A.V. Tri lika “misticheskogo realizma” XX v.: G. Gesse — V. Nabokov — M. Bulgakov [Three faces of “Mystical Realism” of the 20th century: H. Hesse — V. Nabokov — M. Bulgakov] // Bogoslov.ru. http://www.bogoslov.ru/text/352754.html#_ftn6
- [3] Lyubomudrov A.M. Duhovnyj realizm v literature russkogo zarubezh'ya: B.K. Zajcev, I.S. Shmelev [Spiritual realism in the literature of the Russian emigration: B.K. Zaitsev, I.S. Shmelev]. SPb.: Dmitriy Bulanin Publ., 2003. 272 s.

Article history:

Received: 02 December 2018

Revised: 10 December 2018

Accepted: 12 December 2018

For citation:

Gavrikov V.A. (2019). “Miraculous realism” in Zaitsev’s, Shmelev’s, Bunin’s prose (in context of magical realism, fantastic realism, mystical realism, spiritual realism, etc.). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(1), 35–42. DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-1-35-42

Bio note:

Gavrikov Vitaliy Alexandrovich, Doctor of Philology Department of State and Municipal Management, Personnel Management, Bryansk Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.
Contacts: e-mail: yarosvettt@mail.ru